

*Наумов Д.И., к.соц.н., доцент,
заведующий кафедрой экономической социологии,
Белорусский государственный экономический университет,
Республика Беларусь;
Швед В.В., к.э.н., доцент,
профессор кафедры экономики и менеджмента,
Винницкий институт Университета «Украина»*

СТРАТЕГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

THE STRATEGY OF ECONOMIC BEHAVIOR OF YOUNG PEOPLE AS A FORM OF SOCIAL ADAPTATION: THEORETICAL ASPECTS

Аннотация. В статье в теоретическом ракурсе рассматривается проблема взаимосвязи стратегии экономического поведения и социальной адаптации молодежи, как предпосылка решения актуальных задач общественного развития и повышения эффективности государственной молодежной политики.

Ключевые слова: стратегии экономического поведения, социальная адаптация молодежи, государственная молодежная политика.

Abstract. The article deals with the problem of the interrelation between the strategy of economic behavior and social adaptation of youth, as a prerequisite for solving urgent problems of social development and improving the effectiveness of state youth policy.

Keywords: strategies of economic behavior, social adaptation of youth, state youth policy.

В экономической социологии проблематика экономического поведения, как совокупности рационально ориентированных социальных действий индивида, связанных с использованием различных экономических ценностей и ресурсов и направленных на получение определенной выгоды, является одной из центральных исследовательских тем. Изучение данной проблематики, которая обладает большим эвристическим потенциалом и актуализирует вопрос о социальной субстанции хозяйственной жизни общества, позволяет определить и охарактеризовать параметры, тенденции и проблемы развития экономических систем и организаций, профессиональных сообществ и групп, молодежных суб- и контркультур. В данном случае определенный интерес представляет проблема взаимосвязи стратегии экономического поведения и социальной адаптации индивида, которую можно рассматривать как в контексте взаимной детерминации, так и в аспекте оптимизации некоторых направлений государственной молодежной политики (образовательные программы, социальная поддержка молодежи, развитие инфраструктуры молодежного предпринимательства и т.д.).

В целом, актуальность данной темы определяется следующими основными моментами. Во-первых, стратегию экономического поведения гипотетически можно рассматривать в качестве аксиологической детерминанты статуса человека на рынке труда, который в системе социальных координат выступает как базовый социальный и экономический параметр. В данном случае все остальные социальные характеристики индивида (материальное положение, доходы, характер потребления, стиль жизни, социальный статус и др.) по отношению к статусу на рынке труда являются производными. Например, стратегию экономического поведения индивида на рынке труда О.С. Елкина трактует как приоритетную, устойчивую, личностно значимую жизненную направленность личности, связанную с выбором оптимального для него положения в сфере занятости, складывающегося на основе получения определенного дохода при определенной величине трудовых затрат [1]. Во-вторых, для отдельного работника полноценная реализация его индивидуальности в производственном процессе и трудовых отношениях определяет как качество жизни, так и позитивный социально-экономический результат, который в масштабах всего современного общества производит мультипликационный эффект. В масштабах же современной экономической системы, основанной на инновациях, конкуренции и открытости («экономика знаний», глобальная экономика и пр.), не только знания, способности и компетенции индивида, но и его ценностные ориентации и целевые установки выступают в качестве экономического ресурса.

В концептуальном аспекте категория «стратегия экономического поведения» характеризует ценностные и целевые ориентиры моделей экономического поведения индивида, обусловленные его жизненными приоритетами и объективируемые в различных сферах хозяйственной жизни общества. Так, В.М. Володин и С.Г. Михнева предлагают следующую классификацию экономических стратегий [2]:

- по критерию отношения к труду – трудовые (ориентированы на систематическое участие в трудовой деятельности, на профессионализм и мастерство), иждивенческие (предполагают отказ от работы и формирование установки на постоянную внешнюю помощь и поддержку), девиантные (ориентированы на незаконные способы получения высокого дохода);

- по критерию качества – активные (предполагают максимизацию трудовых усилий, интенсификацию трудовой и профессиональной деятельности, установку на сложность труда и высокий доход), активно-пассивные (предполагают минимизацию трудовых усилий, невысокие требования к параметрам трудовой и профессиональной деятельности, установку на льготы и невысокий, но постоянный доход).

В отечественной экономической социологии проблематика экономического поведения молодежи рассматривается в контексте мотивации и стимулирования труда работников, выявления роли человеческого капитала в экономическом развитии общества, в изучении экономических потребностей и мотивов молодежи, в характеристике качества и стиля жизни молодых людей и т.д. (Г.Н. Соколова, О.В. Кобяк, С.А. Шавель, Н.Н. Сечко, Е.В. Таранова и др.). При этом данная проблематика рассматривается в контексте трансформационных процессов, которые в

отношении выстраивания адаптационных стратегий актуализируют фактор индивидуальных ресурсов, а именно: возраст, образование, пол, семейное положение, тип занятости и профессиональный статус, место жительства (город или село) респондента. В качестве индикаторов адаптированности, позволяющих выявлять тип адаптационных стратегий, их успешность и иные качественные характеристики, рассматриваются такие показатели, как:

- оценки населением собственной Я-конкурентоспособности на рынке труда;
- удовлетворенность респондентов работой в целом и различными аспектами трудовой деятельности;
- трудовая мотивация (баланс гигиенических факторов, ориентированных на условия труда, а также мотивационных, связанных с содержанием работы);
- оценка материального положения респондентами (динамики, доступности удовлетворения не только физиологических, но и социальных потребностей, не только простого, но и расширенного воспроизводства рабочей силы);
- отношение населения к моделям социально-экономического развития (выбор типа экономики, отношение и мера вовлеченности в предпринимательскую деятельность и т.д.) [3].

Однако актуальной остается задача выявления и характеристики экономических стратегий белорусской молодежи: например, с точки зрения определения реального инновационного потенциала данной социально-демографической группы. Данный аспект можно проиллюстрировать данными социологического мониторинга, проводимого Информационно-аналитическим центром при Администрации Президента Республики Беларусь, характеризующими специфику аксиологического сознания современной белорусской молодежи. Так, существует комплекс ценностей, который в экономической социологии рассматривается в качестве аксиологического базиса стратегии экономического поведения рыночно-предпринимательского типа, присущего населению западных стран с развитой рыночной экономикой (свой бизнес, профессионализм, личная ответственность, прибыль, конкуренция, инновации, социальный успех и др.). Согласно результатам социологического мониторинга, в 2009 году только 25,8% молодых респондентов в возрасте от 18 до 29 лет отметили значимость таких ценностей, как бизнес и предпринимательство (при этом, для сравнения, на ценность материального благополучия указали 82,3% респондентов, а интересной работы – 70,9%). В качестве персональной жизненной цели позицию «организовать свое дело» в 2004 году выбрало 21,6% респондентов, в 2009 году – 20,5%, в 2012 году – 20%, в 2014 году – 23,5%, в 2016 году – 21% [4, с. 181]. Как можно заметить, ценности, лежащие в основе стратегии экономического поведения рыночно-предпринимательского типа, не входят в ядро аксиологического сознания белорусской молодежи, где статус терминальных ценностей имеют такие ценностные установки, как семья, дети и здоровье. Соответственно, такой консерватизм сознания молодежи скорее актуализирует запрос на социально-экономическую стабильность,

чем на экономические инновации и риск, что актуализирует взаимосвязь социальной адаптации и экономического поведения.

С исторической точки зрения, интерес к адаптационным процессам первоначально был актуализирован биологами и физиологами, которых интересовали механизмы и формы приспособления живых организмов к разнообразным изменениям окружающей среды. В данном случае можно вспомнить таких известных исследователей, как Ж.-Б. Ламарк и Ч. Дарвин, которые рассматривали приспособление к окружающей среде в качестве фактора эволюционных изменений живых организмов. В дальнейшем категория «адаптация» вышла за рамки физиологических и биологических коннотаций и стала использоваться для характеристики процессов приспособления индивидов и групп к социальным, экономическим и культурным факторам окружающей среды.

В современном социально-гуманитарном дискурсе проблематика социальной адаптации рассматривается в контексте двух основных парадигм: нормативной (генетически связана с системным функционализмом) и интерпретативной (является концептуальной производной философии жизни и понимающей социологии) [5].

С точки зрения нормативной парадигмы, особое значение имеет объективистская природа социальной адаптации, которая трактуется как обусловленный институтами и агентами социализации процесс постепенной интериоризации индивидом норм и правил социального поведения. В функциональном аспекте он необходим в целях обеспечения сознательно контролируемого и управляемого социального поведения индивида. В то же время индивид рассматривается как продукт социальной жизни, не обладающий способностью к критической рефлексии в отношении социальных правил и норм.

Интерпретативная парадигма актуализирует субъектность индивида, который посредством использования определенных приспособительных стратегий стремится сохранить или изменить собственную идентичность. При этом его идентичность фокусирует все многообразие социальных ситуаций и актов мышления в процессе социальной адаптации. Такой индивид рационально и активно преобразует окружающую действительность в целях нахождения оптимальных способов удовлетворения своих разнообразных потребностей. В плане содержания данный процесс предполагает конструирование смыслов персональной жизнедеятельности, создание идеальных образов социальной реальности и личностной самоактуализации, выработку разноуровневых стратегий адаптации и формирование индивидуального адаптивного пространства.

Основное различие между нормативной и интерпретативной парадигмами заключается в теоретико-методологическом подходе к определению и разграничению социализационных и адаптационных процессов. Так, в рамках первой парадигмы индивид рассматривается как социальный актер, который действует осознанно, алгоритмизировано и рационально, но не способен к аксиологической и эмоциональной рефлексии. Поэтому проблематика социальной адаптации рассматривается в социально-экономическом контексте, акцентирующим внимание

на выявлении и характеристике возможностей, факторов и условий эффективного приспособления индивида или социальной группы к системе рыночных отношений. Соответственно, рассматриваются вопросы формирования индивидуальных адаптационных стратегий работников различных групп, приобретения индивидом или группой значимого с точки зрения обеспечения конкурентоспособности экономического и социального опыта (на рынке труда, в профессиональной сфере, в предпринимательстве и т.д.) [6]. В рамках второй парадигмы социальная адаптация рассматривается как коммуникативный процесс конструирования индивидуальных смыслов и стратегий социального бытия. Такая методологическая оптика фактически редуцирует адаптацию к набору индивидуальных реакций на конкретную социальную ситуацию и гипертрофирует роль идентичности в социальной жизни. Так, социокультурная трактовка адаптации рассматривает данный феномен как процесс, который направлен на обретение индивидом своей целостности посредством целенаправленного воспитания, образования и самообразования [7; 8].

Однако особый интерес представляют трактовки категории «социальная адаптация» исследователями, занимающимися данной проблематикой в рамках социологии адаптаций (Л.В. Корель, П.С. Кузнецов, М.В. Ромм и др.), в контексте социальных процессов трансформирующегося общества, которые теоретически эксплицируют различные аспекты взаимосвязи социальной адаптации и экономического поведения индивида.

Л.В. Корель трактует социологию адаптаций как науку, занимающуюся изучением сложных приспособительных процессов, происходящих между людьми и обществом, исследованием того, как люди приспособляются к изменениям в обществе и как общество приспособляется к переменам в ценностях, символах, культурных кодах, поведении, социальных практиках людей [9, с. 59]. В рамках данного подхода она рассматривает категорию «социальная адаптация» как состояние приспособления или же процесс приспособления социальной системы к внутренним и внешним изменениям, происходящий путем изменения как социальных стереотипов поведения, социальных практик, ценностей, способов информационно-интерпретативного отражения (конструирования, реконструирования) реальности, так и внутренней ее (системы) структуры и функций [9, с. 39]. При этом в качестве социальной системы здесь понимается широкий набор социальных феноменов: личность, социальные группы, организации, социальные общности, институты, общества, цивилизации и т.д. В рамках разрабатываемой исследователем социологии адаптации она структурировала виды, типы, формы и способы социальной адаптации на основе разработанных теоретических (свыше 30) и эмпирических (140) индикаторов. Л.В. Корель акцентировала внимание на кризисные макросоциальные процессы и выделила три стадии адаптиогенеза и структурирования социальных регуляторов (средств и антисредств) адаптации; концептуализировала четыре важнейших типа адаптивных механизмов (адаптация как развитие; адаптация как защита; адаптация как уход / уклонение; адаптация как реверсия), которые эксплицируют логику развития субъекта адаптации. Эти механизмы либо

обеспечивают позитивное совершенствование его внутренней структуры, либо нейтральны по отношению к субъекту адаптации в силу зависимости от социального контекста, либо ведут к деградации субъекта адаптации. Таким образом, исследователь рассматривает социальную адаптацию как двусторонний процесс практического взаимодействия социального субъекта (личности, социальной группы, общности и т.д.) с социальной средой, направленный на гармонизацию отношений между адаптантом и социальной средой, в ходе которого меняется не только субъект, но и социальная среда.

М.В. Ромм социальную адаптацию рассматривает в качестве атрибутивного свойства субъектов социальной деятельности, характеризует инновационный по природе процесс и результат активной (реактивной) гармонизации внешней (внутренней) настройки (самонастройки) личности с помощью адекватных ситуациям стратегий приспособления, оптимальность которых проверяется обратной связью в процессе информационного взаимодействия [5; 10]. В содержательном аспекте практическая реализация процесса социальной адаптации на индивидуальном уровне актуализирует процедуру интерпретации внутренних и внешних информационных моделей социального бытия, которые оцениваются с точки зрения их соответствия адаптивным установкам субъекта социальной деятельности, социальной идентичности и когнитивным схемам понимания окружающей действительности. Логика данного подхода актуализирует проблему разграничения системно и иерархически взаимосвязанных процессов социализации и социальной адаптации личности, что имеет эвристическое значение и позволяет определить направленность и логику взаимодействия данных факторов (в том числе, в контексте конституирования и реализации стратегии экономического поведения личности). При этом исследователь указывает на следующие взаимосвязанные и взаимообусловленные моменты: общество играет главенствующую роль в социальном развитии индивида, а индивид становится личностью и полноправным субъектом социальных отношений только посредством активно-деятельностного приспособления себя и среды к социальным условиям жизнедеятельности. Следовательно, социализация детерминирует характер, специфические особенности протекания и результативность социальной адаптации, которая онтологически объективна и эпистемологически субъективна. Таким образом, для М.В. Ромма социальная адаптация личности предстает как процесс и результат преобразования (интерпретации) социального мира и себя как социального существа, что необходимо для определения смысла индивидуальной жизнедеятельности и направленности индивидуальной адаптации в обществе в различных контекстах (в экономическом, культурном, политическом и т.д.).

П.С. Кузнецов рассматривает социальную адаптацию как социально детерминированную функцию развития, обусловленную непрерывным внутренним стремлением субъекта адаптации к изменению, развитию, совершенствованию, что обуславливает постоянный конфликтогенный процесс его взаимодействия с внешним миром. Он трактует социальную адаптацию как внутренне мотивированный процесс

принятия / неприятия индивидом внешних и внутренних условий существования, который обеспечивает его личностное и социальное развитие [11; 12]. В структурном аспекте в качестве основных элементов социальной адаптации выступают: субъекты, которые обладают потребностями, стремятся к их удовлетворению и по мере удовлетворения данных потребностей актуализируют другие потребности, запуская тем самым соответствующий механизм социальной адаптации; факторы, выделяемые соответственно иерархии потребностей субъекта адаптации и имеющие сугубо инструментальное значение для удовлетворения потребностей; объекты, выделяемые по критерию возможности удовлетворения (реально или потенциально) различных потребностей субъекта адаптации, которые различаются между собой по степени институционализации. В качестве главного направления социальной адаптации П.С. Кузнецов определяет повышение уровня социальной организации, усложнение социальной структуры и, в итоге, социальное развитие, что обеспечивает увеличение потенциала выживаемости, как индивида, так и социальных объектов. В качестве основных направлений социальной адаптации он рассматривает: социальный прогресс (инновация); идиоадаптация (конформизм); социальный регресс (деградация, ретритизм); уход от действительности (эскейпизм). Важнейшими свойствами социальной адаптации, механизм которой в общем виде представляет собой соответствие между актуализированными и удовлетворенными потребностями, являются: целостность, непрерывность, динамичность, относительная устойчивость. В идеале социальная адаптация на макросоциальном уровне должна обеспечить актуализацию всего потенциала человечества, поэтому основная цель управления данным процессом заключается в ее фокусировке на социально-типичные объекты при минимизации роли или элиминировании неинституционализированных объектов, генерирующих зоны напряжения и конфликтности в социальной ткани. Таким образом, для П.С. Кузнецова социальная адаптация выступает как целостный, непрерывный, динамический, относительно устойчивый процесс установления соответствия между уровнем актуализированных потребностей и уровнем их наличного (перспективного) удовлетворения, определяющий непрерывное развитие социальных акторов.

В теоретическом аспекте вопрос о характере взаимосвязи стратегии экономического поведения и социальной адаптации индивида, рассматриваемый в идеально-типическом ракурсе, актуализирует роль и значение феномена повседневности в социальном бытии человека, конструируемого в процессе диалектического взаимодействия ситуаций повседневности и объективированных экзистенциальных и социальных интенций личности. Особое место для формирования жизненного мира личности занимают кризисные ситуации, выходящие за рамки социально стандартного (например, социально-экономический кризис в масштабах всего общества), которые требуют от индивида адекватного ответа посредством актуализации и аккумуляции личностного и социального опыта проживания подобных ситуаций. Они становятся объектом рефлексии личности и трансформируются в фактор формирования как жизненного мира индивида, так и

групповой идентичности (в социально-демографическом, профессиональном, политическом и других аспектах). Это жизненно важно как для обеспечения нормальной жизнедеятельности индивида, так и для сохранения целостности социальной ткани в экстремальных ситуациях. Поэтому Н. Ходоривская подчеркивает, что переоценка «весомости социальных связей, формирование адекватных представлений о них в личном и общественном сознании очень важно, поскольку личностно-уникальные обстоятельства и ситуации социально типичны в плане периодического повторения ситуативных конфигураций в опытах разных людей» [13, с. 140]. Таким образом, логика мира повседневности предполагает постоянную востребованность адаптационных ресурсов индивида, институциональными рамками для которых становятся неформальные коммуникационные сети, локальные профессиональные, этнические, субкультурные и территориальные сообщества.

В содержательном плане стратегию экономического поведения составляют ценностные и целевые ориентиры моделей экономического поведения индивида, обусловленные не только его жизненными приоритетами, но и социальным контекстом, который может характеризоваться в системе координат общественной трансформации и кризиса. Данный аспект актуализирует обращение к категории «личностный ресурс», понимаемой в качестве определенного набора различных структурно-функциональных характеристик индивида, обеспечивающих общие виды жизнедеятельности и специфические формы адаптации, и определению специфики и потенциала адаптационного ресурса индивида [14]. В отношении молодежи в качестве основных компонентов этого ресурса, по мнению К.В. Абрамова, выступают:

- личная и социальная активность молодежи, выражающаяся в высоком уровне ее территориальной и социальной мобильности, обусловленной необходимостью определения своего места в жизни и отсутствием прочных экономических и социальных связей;

- качество и уровень освоения норм социальных отношений (деловых, межличностных и др.), а также профессионально-трудовых умений, уровень профессионального мастерства, как фактора высокого качества профессионального обучения, творческой и профессиональной самореализации, высокого уровня работоспособности. Так, согласно результатам социологических исследований, наиболее значимыми факторами, влияющими на реализацию адаптационных стратегий белорусского населения (в том числе молодежи), выступают такие индивидуальные ресурсы, как образование, возраст и пол респондента [3];

- интеллектуальный потенциал, обуславливающий как культуру мышления и действия, так и возможность выработки и реализации на практике новаторских идей и предложений, инициирования неординарных и эффективных траекторий развития. В данном случае следует акцентировать внимание на тот момент, что в условиях трансформирующегося социума сохраняется определенная специфика ментальности студенческой молодежи, которая является носителем вестернизированных ценностных

ориентаций и целевых установок. Это обусловлено влиянием системы высшего профессионального образования модернизирующихся стран, которая посредством образовательной практики транслирует культурно-ментальные институты развитых стран [14];

- установка на независимость и ответственность за собственные жизненные выборы (в социальном, экономическом или психологическом аспектах), свидетельствующая о когнитивной и гражданской зрелости молодого человека. Важность формирования такой установки обусловлена ролью молодежи, как фактора социальной и интеллектуальной динамики, в процессе становления сетевого общества и адекватных ему социальных отношений, что предполагает ослабление закрытых социальных структур и жестких социальных связей. В качественно новом социальном пространстве новые «формы коллективности создаются как универсальные и открытые, предполагающие потенциальное вхождение любого желающего, и в то же время как непостоянные, с возможностью свободного выхода в случае смены места работы, жительства, обучения и пр. Трансформация социальных связей из преимущественно иерархических в сетевые дает широкие возможности индивидам подключаться к любым сетям, исходя из собственных приоритетов. Сложность, текучесть и разреженность сетевого общества, тем не менее, не снижает его общей социальной эффективности, являя рост возможностей быстрого социального конструирования и интеграции ресурсов сетей в ответ на любые новые дисфункции, проблемы и вызовы» [16, с. 52];

- уровень развития социальной и индивидуальной идентичности личности, что в условиях современного общества достаточно проблематично, т.к. «умножение функциональных идентичностей людей размывает у контрагентов уверенность в их определенных социальных ролях, повышает вероятность нестандартных, рискованных, трудно прогнозируемых ситуаций взаимодействия. Разделение общества на множество социальных групп и субкультур, множественная идентичность индивидов также фрагментирует ожидания от других людей, создавая все новые риски и неопределенности» [16, с. 44]. Однако сложность, противоречивость и непредсказуемость социальных взаимодействий в сетевом обществе компенсируется индивиду уверенностью в своих ожиданиях и конституированием в макросоциальном масштабе институционального доверия, как «необходимой предпосылки успехов общественного прогресса и устойчивого экономического роста» [16, с. 44];

- потребность в достижениях, которая проявляется в конструировании ситуации успеха, в культивировании перфекционизма, во включенности в достижения кратковременных и долгосрочных целей, в получении уникальных результатов в профессиональной деятельности. В целом, атрибутивной характеристикой системы ценностных ориентаций молодежи, что было ранее выявлено [17] и сохраняется в настоящий момент [4, с. 168-189], является доминирование социального оптимизма, интернальность, высокая мотивация достижения, ценность рациональных и продуктивных формы социального поведения при одновременной кратковременной перспективе жизненного планирования. Кроме

того, анализ адаптационных стратегий различных возрастных групп выявил, что старшие возрастные группы ориентированы в большей мере на реализацию экономической составляющей социальной адаптации, в то время как молодежь ориентирована на достижение экономического успеха только в комплексе с достижением высокого социального и профессионального статуса [3; 6];

- принадлежность к социальным группам, имеющим высокий социальный статус (например, семья, территориальное или профессиональное сообщество и пр.), что в идеале обеспечивают молодому человеку более динамичное построение карьерного роста, возможность дальнейшего разностороннего личностного развития, но может стать проблемой в случае, когда «группа принадлежности и референтная группа могут не совпадать и оказывать разнонаправленное воздействие на индивидуума» [18, с. 118].

Итак, социально-экономическая трансформация общества актуализирует для населения в целом и молодежи в частности задачу изменения типичных моделей социально-экономического поведения в соответствии с новыми требованиями институциональной среды, решение которой во многом зависит от самого индивида, способного оказывать влияние на социально-экономические преобразования через выбор своих адаптационно-поведенческих и экономических стратегий. Поэтому социологическое исследование потенциала адаптационного ресурса молодежи в контексте данных компонентов и факторов позволяет выявить и охарактеризовать роль данной социальной группы в трансформационных процессах, в том числе в контексте факторов и условий конституирования и реализации стратегий экономического поведения молодежи.

Таким образом, проблематика социальной адаптации актуализирует диалектику взаимодействия индивида и социума, объективируемую в различных моделях социальных отношений, устанавливаемых в процессе активного приспособления человека к существованию в динамично меняющейся социальной среде [19; 20]. В процессе социальной адаптации, обеспечивающем существование, функционирование и развитие личности и общества, воплощается множественность и противоречивость конкретных проявлений различных уровней социального, что находит свое воплощение как в контексте конституирования стратегий экономического поведения молодежи, так и в формировании и реализации их различных видов на практике. Поэтому теоретический анализ проблемы взаимосвязи стратегии экономического поведения и социальной адаптации молодежи перспективен как в аспекте концептуализирования и моделирования социальных процессов, так в ракурсе решения актуальных задач общественного развития и повышения эффективности государственной молодежной политики.

Список использованных источников

1. Елкина О.С. Стратегии экономического поведения работников на рынке труда / О.С. Елкина. – М. : Информ-знание, 2006. – 468 с.
2. Володин В.М. Экономическое поведение молодежи в условиях модернизации российского общества / В.М. Володин, С.Г. Михнева // Известия

высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – №3 (23). – С. 121-126.

3. Соколова Г.Н. Трансформационные процессы в Беларуси и России / Г.Н. Соколова, Н.Н. Сечко, Е.В. Таранова; науч. ред. Г.Н. Соколова. – Минск : Белорусская наука, 2009. – 184 с.

4. Республика Беларусь в зеркале социологии: сборник материалов социологических исследований за 2016 год / Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь. – Минск, 2017. – 208 с.

5. Ромм М.В. Философия и психология адаптивных процессов / М.В. Ромм. – М. : МПСИ; Воронеж : НПО «МОДЭК», 2006. – 296 с.

6. Соколова Г.Н. Экономическая реальность в социальном измерении: экономические вызовы и социальные ответы / Г.Н. Соколова. – Минск : Беларуская навука, 2010. – 460 с.

7. Творческая самореализация личности как антропоцентрический эталон здоровья в современной культуре. Коллективная монография / Бережная М.С., Никитин О.Д., Фузейникова И.Н. [и др.]. – М. : ИХО РАО, Высшая школа консалтинга, 2007. – 363 с.

8. Бережная М.С. Педагогическая система социокультурной адаптации молодежи средствами художественного творчества / М.С. Бережная. – М. : ИХО РАО, 2007. – 257 с.

9. Корель Л.В. Социология адаптации; вопросы теории, методологии и методики / Л.В. Корель. – Новосибирск : Наука, 2005. – 424 с.

10. Ромм М.В. Адаптация личности в социуме: теоретико-методологический аспект / М.В. Ромм. – Новосибирск : Наука, 2002. – 173 с.

11. Кузнецов П.С. Адаптация как функция развития личности / П.С. Кузнецов. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1991. – 75 с.

12. Кузнецов П.С. Концепция социальной адаптации / П.С. Кузнецов. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2000. – 258 с.

13. Ходоривская Н. Ситуационные негативы повседневности и адаптивные ресурсы человека / Н. Ходоривская // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2004. – №4. – С. 140-157.

14. Абрамов К.В. Социально-психологические ресурсные возможности молодежи / К.В. Абрамов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2010. – №6 [100], Ноябрь-декабрь. – С. 143-150.

15. Латов Ю.В. Особенности «вестернизации» ментальности студенчества модернизирующихся стран / Ю.В. Латов, Н.В. Латова // Социологические исследования. – 2007. – №11. – С. 90-98.

16. Мартьянов В.С. Институциональное доверие как экономический ресурс: стимулы и препятствия эффективности / В.С. Мартьянов // Журнал институциональных исследований. – 2018. – Том 10, №1. – С. 41-58.

17. Муздыбаев К. Жизненные стратегии современной молодежи: межпоколенческий анализ / К. Муздыбаев // Журнал социологии и социальной

антропології. – 2004. – Т. 7, №1. – С. 175-189.

18. Мигранова Л.А. Экономическое поведение: анализ и перспективы / Л.А. Мигранова, В.Б. Тореев, А.В. Ярашева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – №1 (31). – С. 116-124.

19. Наумов Д.И. Социальная адаптация молодежи: концепт и практика / Д.И. Наумов. – Образование и наука в Беларуси: актуальные проблемы и перспективы развития в XXI в. : сб. науч. ст. / Бел. гос. пед. ун-т им. М. Танка; Редкол.: В.В. Бущик (отв. ред.), Д.И. Наумов и др. – Минск : БГПУ, 2012. – С. 9-14.

20. Наумов Д.И. Социальная адаптация личности: социально-философский анализ / Д.И. Наумов, А.М. Максимов // Весці БДПУ. Сер. 2. Гісторыя, філасофія, паліталогія, сацыялогія, эканоміка, культуралогія. – 2012. – №4. – С. 70-74.

*Новіков Ю.Ю., магістрант 2-го року підготовки,
спеціальність «Соціальна робота»,
Вінницький інститут Університету «Україна».*
Науковий керівник: Давиденко Г.В., д.пед.н., доцент,
Вінницький інститут Університету «Україна»

МОЛОДА СІМ'Я В УКРАЇНІ – ЯК ОБ'ЄКТ НАУКОВОГО АНАЛІЗУ

YOUNG FAMILY IN UKRAINE – AS AN OBJECT OF SCIENTIFIC ANALYSIS

Анотація. В статті систематизовано теоретичні підходи до вивчення шлюбно-сімейних відносин, а також здійснено науковий аналіз поняття «молода сім'я в Україні». Охарактеризовано три основні види молодих сімей в Україні та стадії їх розвитку.

Ключові слова: шлюбно-сімейні відносини, молода сім'я, стадії розвитку молодих сімей.

Abstract. The theoretical approaches to the study of marriage and family relations are systematized and a scientific analysis of the concept of «young family in Ukraine» is also carries out in the article. Three main types of young families in Ukraine and stages of their development are described.

Keywords: marriage-family relations, young family, stages of development of young families.

Постановка проблеми. Першочерговим завданням для нашої держави є виховання майбутнього покоління, для якого є необхідним створення оптимальних умов існування та розвитку. Сім'я є важливим соціальним інститутом, саме в ній відбувається первинна соціалізація дітей. Молода сім'я – це вразлива категорія населення, яка потребує посиленої допомоги так, як має цілий комплекс проблем, які